

ИМПЕРИЯ

Мария Петрова

Мария Петрова

Империя

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70288747

SelfPub; 2024

Аннотация

Мир, в котором нет надежды и веры, невозможна любовь и единственный выход из ситуации – окончательный разгром канувшей в хаос и голод Империи. Молодая императрица, прославившаяся безумной, кажется жалкой и бездарной, которую в последнюю очередь волнует судьба ее народа. Но внезапный жест внимания, напоминающий скорее красивую демонстрацию, по плану императрицы должен доказать всем вокруг обратное, но в конечном счете это оказывает куда большее влияние на дальнейшую судьбу Империи.

Содержание

1	4
2	12
3	22
4	33
5	43

Мария Петрова

Империя

1

За двумя обрамленными окнами-глазами в форме пик прогремел гром и сверкнула молния. Это была последняя гроза в этом году. Кэтли, не боясь холода, прошлась по каменному полу от холодной кровати до окна и раскрыла его настежь, впуская свежий морской воздух. За зелеными пожухлыми холмами, искривленными и сморщенными, с засохшими деревьями, мертвыми кустарниками, недовольно и отрешенно плясало суровое хмурое море. В этом месяце потонуло пять суден, а рыба перестала плавать около берегов.

Порыв ветра ворвался в комнату, давая вдохнуть свежего воздуха. Это испортило ей и без того плохое настроение. День будет особенным, можно сказать, даже знаменательным. Это первая зима, которую империя встретит самостоятельно, без предводителя. Фактически император есть, но доверия он не внушал, даже наоборот.

В дверь постучали.

– Войди, Чех!

В выстуженную комнату вошел худой, высокий человек с глубокими морщинами на лице и впалыми щеками. Глаза у

него были серыми и холодными, он слишком часто смотрел в безжизненные изможденные лица людей, что давно сделало его взгляд резким и непоколебимым. Он не был авторитетом лишь для императрицы, она считала его обычной вещью наравне с остальными подданными, будь то кухарка или первый министр, то есть он сам.

– Осень настала, Ваше Величество. Какими будут ваши распоряжения?

– А что делал отец в таких случаях?

Министр стиснул зубы. Он ненавидел долгие укоризненные разговоры о покойном императоре. Если бы не умер император, страна не опустилась бы в хаос и разруху, а Кэстли смогла бы быть неплохой императрицей, когда пришел бы срок, или вообще не стала бы ею, а на трон ступил бы старший ребенок, красивая и умная Тонка. Но катастрофа решила судьбу империи. И единственной наследницей осталось недоразумение в коротких штанишках. Во всех проблемах Кэстли был, непосредственно, виноват ее отец, ведь это он решил вывезти королевскую семью на глупый отдых на природе в солнечный день, на отдаленной территории, где, подумать только, как раз неподалеку ошивалась голодная стая волков. Лес империи скудел, волки преобладали над мелкими, умными, самое главное, пригодными для пищи животными, а сами имели грубое несъедобное мясо и очень любили охотников.

– Как... начинал с прогрева труб, потом запускал основ-

ное отопление.

– И замок всю зиму промерзал, – перебила Кэстли, отворачиваясь от окна, – поэтому мы делать так не будем. Я переберусь на самый верхний этаж, тогда зима меня не достанет! Холодно ведь только снизу?

Чех не ответил.

– Вот и славно! – она хлопнула и на автомате потеряла ладоши. – Сегодня хочу походить в розовом. Приготовь что-нибудь перламутровое. И жемчуг. Помню, у меня были самые крупные в мире жемчужины? Их сегодня.

– А какой повод?

– Глупый вопрос. Я проснулась, ты не рад?

О нет! Никто не был рад!

– Просто так. Чтобы был смысл в жизни. У тебя есть, ради чего жить?

– Стараюсь прокормить семью, – он и придворные давно перестал врать, надеясь, на единственный шанс, что императрица, наконец, увидит, что подданные изнемогают и рвут на себе волосы от голода, но она как будто с ума сошла, и сама есть перестала, найдя причину этому в том, что теперь истинная красота в худобе, и все будут ровняться на нее.

– Да? И как успехи? Кормятся?

– Со скрипом, – а ему было уже не смешно, злости на нее не хватало.

– Это потому, что вы не молитесь! Ну, чего встал? Не вижу моего платья.

Платье, ненадеванное месяц, село как-то странно, не то сморщено, не то слишком свободно. Еще раздражало, что руки открытые, исхудавшие, как трости. Но ее спасала природная красота и склонность к полноте, до сих пор не дававшая ей превратиться в скелет.

Вот и сейчас она непонимающим смущенным взглядом ворошила свое отражение в зеркале, вертясь перед ним как юла.

– Что-то не так, – прошептала она, хмурясь. – Или платье не то, или за дуру вы все меня считаете. Мешок лучше бы смотрелся! Я же надевала его месяц назад, что не так-то? – сказала она уже с плаксивыми нотками раздражения, обращаясь непонятно, куда.

– Так вы похудели, Ваше Величество, – ответила осторожно служанка, дрожа от холода.

– Нет, это ложь, – Кэстли развязала аккуратно завязанный бант и затянула завязки так, чтобы собравшаяся сзади холодная ткань плотно прилегала к телу. Оттого элегантное пестрящее платье скукожилось, плечи отдались назад, ткань легла криво, но зато выпирающие, какие только можно, кости и осиная талия, отлично смотрелись. От сложившегося кошмарного образа не спасал ни блеск перламутра, вплетенный в пышную юбку, ни крупные жемчужные слезы, тяготеющие тонкую королевскую шею, вообще ничего.

– Извольте позавтракать?

– Излишне! – раскатом по огромному залу объявила Кэст-

ли. – А где Малыш?

Как только она его не называла: Дитя, Малыш, Ребенок, Мальчик, только не по имени. Это был самый юный придворный, терпевший ее и поддакивающий ей больше остальных, получавший за это неплохие плюшки с императорского стола. Так продолжалось, пока Кэстли не перестала и сама есть, и он не заболел. От быстрого истощения он скончался этой ночью. Все с содроганием думали, какая буря сойдет на весь двор, когда императрица узнает о смерти любимчика, но голод всей империи обходится им дороже вспышки истерики Кэстли.

– Умер от голода, – холодно произнес Чех, пока все тупили взгляд.

– Что, прямо-таки от голода? – нахмурилась она. – Не верю, он просто сбежал.

– Я не обманываю, Ваше Величество, его нашли мертвым сегодня утром в его комнате, он умер во сне.

– Он отравился, остолоп! – она повернулась, яростно метая глазами искры. Ни на что, кроме безумия и гнева не были способны ее огромные как у рыбы глаза. Тогда и Чех отвел взгляд.

– А если придет его родня?

– У него не может быть родни, он посвятил жизнь мне и империи. Я права? – она обвела взглядом женщин, – или мне опять пересмотреть ваши выплаты?

– Вы не платите нам, Ваше Величество.

– Понятно. Казнить.

В империи даже палач был худым, несмотря на то, что работал без продыху. Рубил и вешал тех, с кем пил пиво вчера вечером, с кем когда-то вместе выходил на охоту, стрелял в молодости чаек. Палач нравился Кэстли, он единственный, кто делал свою работу без дрожи, хоть и знал, что сил держать топор у него скоро не окажется.

День сегодня был пасмурный. Палач знал, что будет темнее, чем обычно, будет дождливо. Задней мыслью даже думал, что, если кровь сегодня смешается с дождем, то есть возможность затопить империю. Да и к лучшему, легче будет утонуть, пусть и в крови, чем жить ТАК. Но когда он увидел, что сегодня убьет первого министра, у него подкосились ноги. Нет, он не убьет, просто он будет последним, кто посмотрит в его извиняющиеся глаза перед всем миром, и облегчит его страдания. Убила его и всех предшественников императрица и только она.

Напротив него лицо к лицу стоял трон императрицы. Ненавистное, огромное, обитое розовым бархатом кресло, явно великоватое ей под тощий зад. К трону приближался во время казней только сам Чех, но сегодня не его день, видимо. Вокруг, поодаль, собиралась толпа. Толпа людей, пришедших их города, нашедших последние силы на дорогу вверх, ведь чтобы добраться до замка, долго нужно было нести себя наверх, против сильного холодного ветра. Они были голодны и давно уже не ощущали тепла. Охотники перестали

заглядывать в кабаки и дома, зато там завелись другие мощные истребители, у которых всегда набит мешок деньгами и наточены стрелы. Убийцы пришли из поселения еще ниже, они жили чуть ли не у моря, в самой топи, куда не могла заглянуть императрица. Это были изгнанные императором дети придворных. Империя стала для них запретной зоной, откуда их гнали камнями, когда они были примерно одного возраста с ничего не соображающей о жестокости Кэстли. Сейчас они абсолютное зло, воспитанное природой, хищными волками и единственной целью стереть империю из бытия. Но никто об этом не догадывался, даже сами старики, когда-то выгоняющие их палками с птичьего двора, ныне не узнавали в их лицах тех замызганных напуганных детей, но вот убийцы прекрасно видели в затухших безжизненных стариках гордых и напыщенных взрослых, думающих, что империя всегда будет на их стороне. Была бы, если бы не волки.

И сейчас они были на казни, столпившись, прямо за спиной палача, напротив блеском сверкавшего яркого образа Кэстли. Кэстли девчонка что надо – нужна империя? Забирайте, она не против. Зима коснется всех и заберет многих, это будет первая зима, когда они победят и захватят абсолютное первенство. Главное в процессе не стать заметными для Кэстли, иначе все потеряет смысл.

Зима сломит империю, убьет поколения, заморозит историю, коснётся всех, но не вечно весенней Кэстли. Императрица не сломается, все потому что уже сломана.

– Стой, Палач! – рыдания на секунду прекратились, Кэстли встала. – Сними маску, я хочу знать твое лицо!

Палач мгновение колебался, потом опустил топор и стащил с себя красную в бахrome маску. Лицо у него было рябое, плохо побритое, в шрамах и пятнах. Толпа так и охнула.

– Так ты охотник! Бывший охотник, служивший императору! – она захлопала в ладоши.

– Это так, Ваше Величество.

– Как это мило! Когда люди служат нескольким королевским поколениям! Никому, кроме ведьм и вурдалаков это еще не удавалось! Палач! После убийства действующего первого министра ты станешь моим любимым лицом при дворе!

После этих слов палач выпрямился и сам вонзил топор прямо себе в грудь. *Вот еще.*

2

Вторым любимым развлечением Кэстли были шахматы. Но это была бы не Кэстли, если бы играла обычными фигурами на доске, как нормальный человек. Для игр был организован большой цветной зал, где плитки на полу были выложены в шахматном порядке, выполненные из янтаря и золота. Стены и окна были увиты цветами, каждое окно уходило в пол, а между ними были зеркала, но как бы зал не пытались осветлить, во время партий вокруг доски собиралась толпа разодетых напыщенных дам и господ, и весь свет перекрывался их пышными платьями и огромными прическами. Но Кэстли это мало смущало. Через время прямо над доской повесили люстру, и перед каждой партией зажигали свечи, от этого янтарь блестел, золото переливалось, наряды придворных навязчиво стреляли в глаза, и игра становилась еще интересней.

Мнение об игре у придворных сложилось иное, чем у Кэстли. Если для императрицы главным было выиграть, для этого просчитать ходы, подловить соперника, и стать самой умной в империи, то для всех остальных шахматы были испытанием, где увиливай как можешь, глупи, как скажут, только ни за что на свете не блещи умом перед Кэстли. Иногда она показывала неплохие знания, играла, не давая повода думать, что она сумасшедшая, хотя все и так это знали,

поэтому некоторым проигрыш давался легко, но императрица полна неожиданностей.

Все прекрасно понимали, что в случае их выигрыша, казнь состоится даже если в империи не останется ни одного палача, поэтому не теряли хват.

Игра протекала с участием людей вместо шахматных фигур. Они могли представить поле с закрытыми глазами и точно знали все свои ходы. Это было куда забавней, чем перетаскивание деревянных черных и белых фигур. Аморальная замена фигур людьми мало кого волновала до тех пор, пока Кэстли не стала рассматривать сруб фигур в прямом смысле этого слова. Еще немного и она начнет упражняться в метании топора и тогда ряды придворных станут куда скуднее. Но это было скорее детским лепетом, шахматы отнимали все ее внимание и силы, поэтому все ее идеи и заморочки на какое-то время стали пустым облаком, которому никогда не стать грозовой тучей. Империя выдохнула, но ненадолго. Пришла зима. Настоящая, суровая, а опора государства сидит себе в полушубке и плевать ей хотелось на то, что даже придворные, напрягаясь всем телом, стараются дрожать как можно меньше и утепляться насколько это возможно, чтобы не портить внешний вид.

В самый холодный день Кэстли переклинило и играла она как никогда плохо, а на очереди был как раз сын генерала, попавший в чины только из-за того, что Кэстли давно плевать, кто ее окружает. Парень не был полоумным, но в дура-

сти выигрывал даже самой императрице. И без того злая и недовольная всем, что есть на свете Кэстли, наматывая сопли на кулак, угрожающе смотрела на Парнишу, при всей отвратительности игры бравшем над ней верх. В такие моменты, чтобы не выиграть, можно было воспользоваться запретным действием: упасть в обморок или согласиться на ничью, хотя сама Кэстли такого не одобряла. Генерал безнадежно кусал сигару. Все вокруг уперли взгляды в доску.

– Ваш ход! – напомнила Кэстли.

– Да-да, конечно, – отмахнулся Парниша.

«Может, он решил взять ее утомлением? – спросил кто-то шепотом. – Кто знает...»

Кэстли жестом подозвала к себе сомелье, и высокий подтянутый человек со здоровым цветом лица подошел и встал возле нее.

– Налей белой королеве и Парнише.

Необыкновенно красивая женщина в роли белой королевы, потомственная кухарка, лучшая в империи, потела и бледнела в пушистой тяжелой короне и огромной мантии, от которой головокружительно несло кокосовой стружкой. Она осушила бокал, повернулась к императрице и молча поклонилась.

– Пей, безумец, и ходи наугад.

Молодого человека трясло от ужаса и холода. По спине тек холодный пот, от королевского вина вообще у всех земля из-под ног уходила.

– Слон на Ф5.

Слон за всю партию сделал 2 хода и все это время смотрел в колонну. Внезапно услышав свое наименование, он посмотрел себе под ноги, взглянул на белую ладью, пожал плечами и наискось стал приближаться. Кэстли злобно перебила рукава.

– Ваше Величество, ситуация требует обдумывания, не желаете продолжить партию в следующий раз? – вступился главный судья, человек, не знающий правил, но знающий, когда нужно остановиться. Слон и тот встал на месте.

– Какой следующий? – тихо произнесла Кэстли, сверля задумчиво спины фигурам. – У Парниши его может и не быть. Кстати, ты больше не Парниша, теперь ты Толстяк.

Она спрыгнула с трона, с которого ногами до пола не доставала, и на заледеневших ногах пошла к выходу, свита дернулась за ней.

После смерти в один день двоих приближенных лиц императрицы в ряды ее доверия затесался молодой эрцгерцог, отличающийся вкусом, всегда и во всем совпадающим с императорским, романтизированной внешностью, казалось, что бледность и болезненность шла ему к лицу больше, чем остальным, и манерой ходить за Кэстли хвостиком. Даже для нее самой иногда это было странным, но прервать его подлизывания ей в голову еще не приходило. Он был красивым аксессуаром, разом отгоняющий всех вокруг, будто назойливый ухажер, всем своим видом дающий понять, что никто

вокруг ему не соперник. А никто и не претендовал, еды ему доставалось ненамного больше остальных, тепло, как и другим, ему только снилось, а об уважении Кэдли и говорить нечего. Когда он ей надоест, или, когда потребуется выпустить пар, он опять окажется рядом, но уже по истинному своему предназначению. Холодное мясо. И сейчас он первым соскочил с подлокотника и кинулся за ней, едва не наступая на полупрозрачный шлейф в виде крыльев мотылька.

– Заноза! – окликом она обратилась к нему, хоть он и шел почти рядом. – Ты придумал мне развлечение поинтересней, чем чаепитие с плюшевым медведем?

– Так точно, Ваше Величество, – отчеканил он, – в городе много бедных жителей, не представляющих, что вы играете в шахматы и преуспеваете в этом, а если кто и знает, то представить себе не может, как правильно играть.

– Ты идеями никогда не блистал!

– Дослушайте! Если Вы и Ваши лучшие соперники поедете в город и на живом примере покажите необразованным невеждам, как играть...

– А мне от этого какой плюс? Им что с шахматами, что без.

– Вы же хотели ввести в игру моментальный сруб, – он начал ощущать, как сзади нарастает напряжение, но Кэдли его слушала, – лучше применить это на глазах у всего народа, показать свою силу перед ним, могущество.

– Ладно, ты все так красиво описал, Воск так бы не смог, –

она покосилась на главного судью, который сейчас цветом лица был бледнее воска, – так как выдумка не твоя, ты будешь в качестве белого короля в этой игре. Сам понимаешь, если я выиграю, оставишь голову при себе, а если проиграю, – но об этом Заноза не волновался, играть-то она будет с подданными, а значит, не проиграет, – то собственноручно снесу тебе башку. Все слышали?

Свита одобрительно отозвалась, точа улыбки в спину молодому приближенному.

После дневной ванны Кэстли как обычно нарядилась и решила написать очередное письмо. Куда она писала, кому, она точно не знала, образ был размытым, вымышленным, намеченным где-то в туманном будущем.

«Снова я пишу к Вам, мой обожаемый...»

Кого она могла обожать? Некого светлого, совестного, мужественного человека. Не важно, богат он, или беден, старик или юноша младше ее возрастом. Он отважный и прекрасный воин, он точно знает, зачем живет и ест, и спит. Кэстли мечтала о человеке, в котором есть душа, твердо стоящем на ногах, разумно мыслящем. Она хотела, чтобы кто-нибудь объяснил ей, в чем смысл существования. Она сбилась с пути, никак нигде не могла найти ответ, перечитала десятки книг, но ни на мгновение не ощутила ни тепла, ни уверенности, ни проблеска цели и движения к ней. Все как будто бы было рядом, но не указывало на нее. Может, это потому, что она императрица, или какая-то особенная, по-

этому не может найти своего предназначения?

Вот кто-кто, а убийцы точно знали, зачем живет Кэстли. Она – проводник в бездну, их собственную, выращенную кровью и потом на предательстве и смертной обиде на императора, родителей, собственную жизнь, и именно императрица приведет их к цели. Приведет всю империю к краху. Причем, никто к этому руки особо не приложил, важно было просто не мешать. Одно убийство, один спуск волков на лакомое драгоценное мясо решил всю их судьбу. Судьбу всей империи.

Если все так, как хочет Заноза, то судный час близок? Конечно, между ним и Кэстли одна маленькая деталь. Один очень умный ребенок.

– Так она тебя и назовет, – хихикнул Грем, – Деталь.

– Это не смешно, – ответил кто-то, – у нее во дворце ни одного простого имени, всех вещами называет.

– Нам-то какая разница, главное, что сходит себе с ума и пусть сходит дальше.

– Медленно и верно, – заметил другой. – Нет, как-то все слишком гладко.

– А малой еще ее не обыграл, – он и еще несколько посмотрели на потерянного в углу светловолосого парня. Выглядел он младше остальных, хотя круги под глазами и поломанные пальцы рук говорили о том, что повидал он больше некоторых взрослых. Дрался он исключительно на кулаках, ногами, иногда подручными средствами, поэтому и охотил-

ся он редко, и на убийства в город не выходил, но шутить над ним мало кто мог.

– Каспер-то? – спросил женский грубый голос. Это была Изольда. Единственная девушка, дожившая до приближения судного дня. – Да он же сын гувернера, должен знать, как в шахматы играть. Шахматы же?..

– Суть не в том, чтобы уметь играть, а, чтобы играть лучше Кэтли.

– А, по-моему, именно в том! Кэтли играет из рук вон плохо, как поговаривают в городе, поэтому все ей поддаются как могут. А Касперу больших усилий не придется прикладывать, чтобы ее обыграть.

– Если он ее обыграет, она его убьет.

Изольда потупилась на Грема.

– То есть как, убьет? Каспера? Хах! Ей для этого сначала нужно будет поймать его, перебороть, а на это мало кто способен...

– ...тем более из осиротевшей истощенной армии!

– Вот именно! Так что нет, Каспер останется жить, только если мы не... да.

– Да.

Об этом даже не говорили вслух – о планах. Суть ведь заключалась в перехвате власти. Чтобы это произошло, от Кэтли нужно было избавиться, и тут все уже само за себя говорит.

– Каспер, ты умеешь читать?

– Умею.

Изольда кинула ему на край стола исписанную тетрадку с рисунками закрашенных клеточек и каких-то закорючек.

– Это стоило мне больших усилий, поэтому даже если это не про шахматы, ты все равно у меня в долгу.

– Нет, навряд ли. Здесь все на французском и тем более прописными. Попытайся такой шифр разбери!

– Это вот уже точно не мои проблемы.

Изольду за ее неглубокий ум и преувеличение собственной ценности следовало первой отдать волчице на перевоспитание. Волки хоть и начали воспринимать убийц как авторитетов, но до хозяев им было далеко.

– То есть, ты и в город хлеб пойдешь выпрашивать, когда дома полно мяса и кожи?

– Это разные вещи.

Все молчали и некоторые старались не смотреть на Каспера. Все знали, что он будет держать себя в руках и поведет себя снисходительно, особенно по отношению к девушке, но смотреть на то, как он с собой борется, было мучением.

Глубоко внутри каждый понимал, что лучшим охотником может быть Грем, лучшим поваром Крис, первоклассным стрелком Эдвард, и всё тому подобное, но шанс на развитие и продолжение рода в правильном направлении сейчас стоит на позиции напрямик к слепому ферзю. Его очертание призрачно, он очень скрытен, но так перспективен, даже на фоне ярких, никому не сдавшихся кричащих фигур. Все зна-

ют, он дойдет к цели, каких бы рисков это для него не стоило. Но он может и умереть, а это значит, что план можно считать провальным. Убийцы не смотрели далеко в будущее и не планировали продолжать род обиженных на весь мир людей, лучше избавить от этого человечество, но как изменился бы мир, сама империя, если бы кто-то вселил в человеческий род гранулу интеллекта и ума. Люди бы перестали стонать и падать от голода, они стали бы открывать для себя растительный мир, государства, в которых остались хищники и мелкие зверьки, пригодные для пищи. Поэтому после смерти императора страна не то что остановилась в развитии, она шагнула назад. Пала в такую топь, из которой выбраться поможет только смерть. И благородные убийцы, миротворцы, вершители людских судеб, взяли на себя начало, возьмут и конец. И берут они на себя это не все вместе, а будто бы сливаясь в единый разум, на самом деле отреченный от них давным-давно. Он сам все сделает и сам все решит. Иначе это не Каспер. Иначе это не Белый Ворон.

3

Императрица спрыгнула с отцовского трона и прошлась тихо по звонкой плитке. Стук по ней мог оглушить человека, если тот не в себе, и только уравновешенный, полностью владеющий собой человек мог идти по ней бесшумно. Кэстли зависела от общества. Смыслом во всем этом было то, что о ней и ее сумасшествии невольно думал каждый придворный, даже видел ее раз за день, ему уже хватало пищи для раздумий над тем, почему она такая. Она могла быть рациональным и осознанным человеком лишь в уединении, способности держать себя в рассудке перед придворными она лишилась. И это вызывало у ее смыслящей части существа грусть, вместе с тем и бессилие, ведь как это низко – дожидаться сострадания и жалости со стороны убитых, поломанных людей, род которым уже не продлить.

Она пряталась от заносчивого эрцгерцога, ходившего за ней попятам весь день. Надоела ей его рожа, если выражаться скромно.

День был до странного солнечный, зимой обычно солнце не светило. Пробил полдень, а значит пришло время выезжать в город для проведения игры в живые шахматы.

По дороге к главной площади Кэстли думала о слухах, гулявших по придворным, их она подслушала во время партии с сыном генерала, поэтому ей было так сложно собраться.

Речь шла о подозрительных людях в лохмотьях, замеченных на днях в одной из таверн. Их раньше не видели в городе, никто не знал, чьи они, кто они, откуда у них деньги и остатки жира в уголках рта. Выглядели незнакомцы в два раза больше и сильнее обычных жителей, кожа у них была словно у ангелов, румяная и налитая, губы красные как кровь, взгляд живой и дерзкий. «И брюхи у них были набитые!» – не постеснялась одна. Да, они были абсолютно сытыми, что даже пиво допивать не стали. Среди них была одна молодая женщина, необычайной красоты со светлыми волосами и голубыми большими глазами, с такой подтянутой и пластичной фигурой, что любая первая дворовая мечтает о такой. И ни до этого, ни после никто их не видел. Странно это было. Хотя, чего тут странного? Кэстли прекрасно помнила детей, на которых отец всех собак (и волков тоже) спустил, и знала, что они вернутся. И вряд ли с добрыми намерениями.

– А вот... если бы ты хотел кому-то сильно навредить, от чего бы ты избавился в первую очередь? – спросила Кэстли у сидящего напротив Занозы.

– От его семьи, если человек не с каменным сердцем.

– Серьезно? – она состроила брезгливую рожицу. Это был первый раз, когда его комментарий действительно помог. – Ну и гадость.

– А что гадкого? У всех на первом месте семья. Кто бы что не говорил, а дороже семьи ничего нет.

– Издеваешься?

Он поднял глаза.

– А тебе чего терять? Уже нечего. Все.

– Ладно. Сейчас грязь разводить не буду, но считай, что головы у тебя уже нет.

– А я со вчерашнего вечера так считаю.

Оно и видно, раз он так честен с ней.

– Раз это твой последний разговор, скажи, на меня могут охотиться?

– А есть те, кто на тебя не охотится?

– Ну не у всех на это силы есть.

– А смерти тебе желает вся империя. Хочешь избежать своего убийства – сделай это сама.

Кэстли зажгло глаза. Это неправильно. Совсем нечестно.

– Точно нет. Я не знаю, чего я хочу. У меня нет смысла в жизни.

– Тогда и жить незачем.

Тем временем толпа у площади собиралась больше, чем, казалось, ходячее население города, и маленький худенький Каспер сливался с жителями как родной. Ему пришлось хорошо потрудиться, чтобы скинуть вес, и не спать всю ночь, чтобы круги под глазами стали внушительней. Хотя волосы у него были светлыми, это его выделяло. Но то что бы он хотел остаться незамеченным. Когда Кэстли его увидит и заинтересуется, не останется шансов, что она не пригласит его сыграть. Из ребят пришла одна Изольда, уже пробующая та-

бак у местных.

– Нравится? – с отвращением глядя на нее, спросил Каспер.

– Нет, – зажимая трубку в зубах и утыкая кулаки в карманы, ответила девушка.

– Тогда зачем куришь?

– Чтобы все знали, что я матерая.

– Ты считаешь, волчья шуба мало, о чем местным говорит?

– Ну, мне тут один затирал, что голыми руками волку хлебозку порвал.

Они раскатисто рассмеялись.

– Расскажи потом об этом Грему.

– Всем расскажу.

– Ты решила во что бы то не стало показать Кэстли, что ты тут самая матерая и сильная?

– Не, с ней тягаться я не буду. Довести ведущее государство до ТАКОГО – железный характер нужно иметь. Я ей в ноги поклоняюсь. Нет, без шуток. Она крутая. Я бы до такого не додумалась.

– Может и крутая, но тупая. Она сдалась, поэтому империя и пошла под откос, а не потому что она так захотела. К тому же, мы ей помогли, так что...

Его прервал грохот медных труб и нескладная барабанная дробь. Все разом повернулись к подошедшей карете. Холод и безмолвный крик у народа в сердце. Они не видели им-

ператрицу больше, чем полгода. На вид она была не лучше, чем сами жители. Глаза хмуро гуляли по толпе, готовой ей пятки целовать только за то, что она спустилась к ним, гордости в лицах истощенных диких призраков былой процветающей империи не наблюдалось. Не то что гордости, силы. Они, словно разочарованные животные, подались разом назад, с трудом распрямляя скрипучие спины, потерявшие последнюю надежду при виде предводителя.

Жалкое было зрелище. Когда низкорослый слуга объявил густым отрывистым голосом, кто, зачем и с чем прибыл в город, некоторые стали расходиться, поняв, что ни еды, ни рейда им ждать не придется.

– Почему они уходят? – спросила шепотом Кэстли, ступая вперед, глядя на всех из-под ресниц, высокомерным и пробирающим взглядом. По обе стороны наготове шли статные стражники.

– Потому что они ждали, что ты приедешь и привезешь им еды и устранишь убийц, – ответил, шагая спереди, Заноза.

– Убийцы сегодня здесь, – вспыхнули глаза Кэстли.

– Да, конечно. И они будут среди толпы. Ими может оказаться кто угодно.

Это притормозило уверенный шаг императрицы, но не остановило совсем. Возможно, сегодня ее не убьют, а в следующий раз она просто не приедет в город. Или приедет?

Для игры все было уже готово. Людей вокруг доски толпилась хилая толпа сопливых стариков и серолицых матерей,

прижимающих к себе кричащих как в ужасе детей. Впечатление складывалось недоброе, глядя на горожан: они будто бы пришли выслушать волю императрицы с какой-то усохшей надеждой, ни грамма чести в них не проглядывалось. Тихо, с угрожающим шелестом, по короткому приказу Кэстли, толпа начала затихать. Через пять минут стражники закончили припугивать и встали как было, по обе стороны вокруг трона. На стуле против сел Толстяк, вчера еще бывший Парнишей. Лицо у него было спокойное и уверенное, стратегия была продуманна и решена.

Пока белый ферзь с мальчишечьим лицом рассекал поле по одному взмаху руки и ленивому слову императрицы, сквозь толпу протискивался Каспер, мелькая то там, то тут, пытаясь видеть игру и фигуры со всех ракурсов. Это привлекало внимание, и с третьего раза его заметила уже и Кэстли. Пока Толстяк думал, она косилась на полностью погруженного в игру задумчивого мальчика в хороших штанах и добротными кругами под глазами. Выделялся он здорово, и когда это поняла и Изольда, оставалось только смириться и молиться, чтобы Кэстли не повязала их сразу, раскусив в них убийц.

Временами Кэстли казалось, что мальчишка думает над всей партией больше ее самой. Это ее заставило смутиться и стать серьезней, хотя еще ход и она проиграет самому тупому из придворных, но когда она видела светлую, то исчезающую, то снова появляющуюся голову, вечно живой, мерца-

ющий в толпе взгляд, вся стратегия моментально вылетала из головы, и она забывала, зачем тут сидит и почему вокруг так много народу.

В один из таких мгновений ее свесившегося с подлокотника запястья коснулась грубая рукоять топора. Она отдернула от неожиданности руку и взгляд ее пришелся на абсолютно спокойный взгляд Занозы, снявшего корону.

– Ферзь срублен, Ваше Величество, – напомнил главный судья. – Вы обещали срубить его, если он проиграет.

– Я срублю башку тебе, если еще раз полезешь в мою игру, – процедила сквозь зубы она, – партия не проиграна. Уходи с поля, сегодня жертвенник не ты.

Тут уверенность все это время самодовольно лыбившихся болельщиков из знати за генеральского сына разом пошатнулась. Кэстли была настроена решительно, и не выиграть, а убрать толстого назойливого мальчишку.

– Это не по правилам... такими словами попусту не разбрасываются.

Она опустила на него взгляд.

– Ты следующий после Толстяка. Это моя игра! Мои правила! Я решаю, как мне играть!

Толпа зашумела. Пока Кэстли заводилась сама и заводила заспавшуюся в скуке и тишине толпу неистовыми криками о своем абсолютизме, Каспер пробрался к нервно курящей Изольде и кивком спросил, как идут дела.

– Ну, она тебя заметила, но один черт – больно ты на за-

жратого котенка похож. Она за тобой всю игру следила, буквально взгляд не спускала.

– Это плохо или хорошо?

– И так и так. Если у нее достаточно информации об убийцах, ты мог быть идентифицирован, и примерно к закату нас повяжут. Но есть шанс, что ты просто по-девичьи ей пригляделся.

– В смысле? Не мог же я ей понравиться?

Она пожала плечами.

– Тут все может быть. Она непредсказуема, сам понимаешь. Хах, я даже не знаю, что для тебя хуже.

– А для нас всех что хуже?

– Одинаково. Я тебе так скажу, все, что касается Кэтли – несет отрицательный характер.

Каспер помолчал.

– А делать мне теперь что?

– Кидайся в глаза почаще, ты почти заслужил место напротив на следующей партии. Заслужишь – считай, мы одной ногой в победе.

Мысли о победе окрыляли, но в то же время поражение было немислимым. Невозможным.

Толстяк наигранно всплескивал руками и ерзал на стуле. До победы Кэтли оставались два-три хода, лицо у нее было каким-то ветреным, рассредоточенным. Так она могла и проиграть. Однако, она поставила-таки мат и шах в одно лицо. Но толпа не кричала и не ликовала восторженно. Каза-

лось, одна императрица не замечала, что ситуация была на доске настолько глупая, что абсурдная.

– А что будет с пацаном? – спросил шепотом Каспер.

– От настроения Кэстли зависит. Может не повесит. А что у него теперь в жизни хорошего осталось? У него теперь есть конкурент.

Парня словно оттолкнуло невидимой рукой от Изольды, едва он услышал, как громовой писклявый голос призывает добровольца на партию с императрицей. Он вылетел вперед сквозь толпу, едва не запинаясь о шлейф какой-то дамы. Кэстли обернулась, стеклянно и с едва заметной теплотой глядя на него краем глаза. В ее взгляде читалась безысходность. Какая завлекательная уязвимость.

– Я хочу! – теперь уже повернулись все.

– А ты кто такой? – спросил главный судья.

– Я кузнец. Кузнецам, как вы знаете, не обойтись без ума. И мышечной массы, – добавил он с меньшей уверенностью.

Судьи переглянулись и обменялись кивками.

– Играешь за черных.

Каспер довольно и с незаметной дрогой, уже прилично подмерзая, подошел к зеленому скромному креслу прямо напротив императорского трона. Люди за его спиной недоуменно перешептывались. *Какой еще кузнец? Больно молодой! Чей он сын? Откуда пришел?*

Кэстли расчистила место для детского мата. Белый ферзь с мольбой смотрел в глаза Каспера. Умирать ему уже не так

хотелось. Но в то же время оба они понимали, что они по разные стороны поля, и казнен по исходу партии будет кто-то из них.

После первых же ходов Каспера около Кэстли присел седоволосый сгорбленный человечек и что-то время от времени шептал ей на ухо. Она хмуро соглашалась и после каждого хода получала от него одобрения и новые наставления.

Это была самая сложная атака, используемая в империи, но, благо, защиты Каспер знал и использовал от нее помощь.

Когда дело шло к шаху и мату, старичок встал и развел руками. До Каспера донеслось леденящее «казнить». Внезапно нахлынувшая жалость и несправедливость заставила его вскочить на онемевшие от мороза ноги и закричать:

– Я согласен не ничью!

Его ровный и уверенный голос утихомирил рыдания и гул в толпе (казалось, люди начинали плакать только от одного слова «казнь»). Кэстли обратила взгляд на него, равносильный выстрелу огненной стрелы, парализующей мгновенно. Тогда и Заноза поднял глаза.

– Имперские шахматы не предполагают проигрыша обеих сторон, – будто читая взгляд Кэстли, ответил судья, еле поворачивая язык.

– Тогда это не шахматы!

– Шахматы, просто *новые*.

– Хорошо. Я принимаю проигрыш.

Он посмотрел на Изольду. Она крутила ему пальцем у виска.

Кэстли оторопела от таких слов.

– Нет, а кого мне тогда казнить?

Все странно на нее посмотрели.

– Проигравшего, очевидно.

– Кхе, – она сделала паузу, – ну так-то да, но не слишком ли он умен, чтобы его убивать?

– Это не мешало Вам казнить всех его предшественников.

– Они были уже старые, их не жалко.

– А принц Толен?

– Все! Не хочу больше никого слушать! А то я сейчас тебя казню. Кстати, не плохая идея, – пробормотала она себе под нос, подбирая платье и вставая с трона. – Заберите его во дворец!

Судьи переглянулись. Заноза скинул бумажную корону и, прежде чем ринуться за Кэстли, подбежал к Касперу, низко поклонился и молниеносно удалился. К Касперу подошли двое серьезных людей с легкими алебардами и повели его к карете императрицы.

4

Небо было серым и безжизненным, далекие жухлые холмы освещало холодное отвлеченное солнце. За холмами грелось логово убийц. Касперу даже казалось, что их жаркая надежда поднимается вместе с дымом от костра над холмами. Внезапно тяжелая ссохшаяся дверь шумно отворилась. Заноза влетел в небольшую выстуженную комнату и слету упал на заваленный шубами стул. Только через какое-то время он понял, на чем сидит.

– Ты что, уже теплой одеждой запасся? – спросил он вязко.

– Ну, тут слегка прохладно, – прохладно было настолько, что спину от нескончаемой дрожи ломило.

Заноза одобряюще кивнул и достал из-под сюртука стеклянную бутылку. Тогда Каспер заметил, что глаза у него блестят будто бы не от алкоголя, неясно, от чего.

– Это что?

– Хлебни.

– Сначала скажи, что это.

Заноза порывом встал.

– Тебе лучше дружить с дворянами, особенно со мной, мы с тобой собаки из одной упряжки, и недооценивать меня будет твоей главной ошибкой.

Каспер потупился. На тупого он не был похож, наверное,

вещества в голову ударили.

– А если не буду?

– Тогда ты тут долго не проживешь. В последний раз спрашиваю – пить будешь?

– Мне и так видно, что это за дрянь.

– Да? А откуда ты знаешь, ты же не из империи?

– Я уже знаком с вашими развлечениями.

– Мм, то есть, на это у тебя времени хватило.

– А на что не хватило?

Заноза будто бы третьим глазом почувствовал, что пора остановиться (казалось, глаза ввали ему как никогда сильно), и начал отстраняться.

– Я у тебя шубу возьму? – напоследок спросил он.

– Если ноги оставишь.

– Что? – не в шутку испугался парень.

Каспер обернулся с тревожным лицом:

– Ты что-то сказал?

Заноза потряс головой, пытаясь стрясти опилки воедино.

– Нет, показалось, – ответил он и унесся.

«Неплохо устроились, – подумал Каспер, облакачиваясь о каменный подоконник, – дети виноделов мутят с алхимиками затмение. Эта земля потеряна»

И потеряна она была окончательно. Много необъяснимого на ней происходило: почему, к слову, дети изгнанников тащат прогресс, превышают по интеллекту выросшее в тепле и достатке поколение? Почему они – лучшее проявление че-

ловеческого рода, лицо революции, наученное лютым холодом и смертями собратьев, как нужно выживать и подстраивать под себя неподвластное существо – волка, не знающего ни хозяина, ни цели, дьявола по своей природе. Ничего ясного не было в истории империи, сплошной тернистый лес.

Ужин проходил в компании Кэтли, с более трезвым и осознанным взглядом, чем у Занозы, хоть и с сомнительными пленочными крыльями за спиной, переливающихся в сером холодном свете свеч и тусклого мертвого неба. Заноза ковырял сложное куриное крыло. Все казалось ему сном, поэтому он думал, что может сидеть так хоть всю ночь. Кэтли время от времени хмуро переводила на него беглый взгляд, с него на облизывающихся горничных, дворецкого у себя за спиной, а Каспера своим вниманием она одарила всего раз, этого раза хватило, чтобы понять, что даже с полной костей и хрящей дичью он знаком. Внезапно она громко и глухо стукнула худым кулаком по белой скатерти, даже привстав и опершись на стол.

– Ты! – она указала пальцем на девушку, стоявшую прямо напротив нее, все это время не сводившей с нее вылупленный наглый взгляд. Волосы девушки были ярко-огненными, губы налитыми, а глаза ненормально живыми. С самого начала она и у Каспера вызвала сомнения – откуда у Кэтли при дворе такая здоровая сияющая девка? Но он решил не делать поспешных выводов. – Шаг к столу! – все посмотрели на шагнувшую служанку. – Почему ты не следуешь моей

моде? Жрать любишь?

Девушка молчала, но даже это не было правильным решением. Неизвестно, было ли оно вообще.

– Любишь – значит будешь.

Кэстли вырвала из-под носа у Занозы костлявое истерзанное крыло и бросила служанке.

– Есть без остатка. Выплюнешь – повешу прям тут.

Она уперлась руками в стол, вцепляясь ногтями в замусоленную, хоть и белую скатерть. Глаза ее наливались, словно глубокий стакан ледяным вином, яростью и страстью одновременно. Казалось, ничто бы не грело ее так, как жажда людских страданий и смертей. Она ведь так любила безумствовать. Больше, чем что-либо существовавшее в мире.

Все смотрели в лица двоих в этой столовой. Грязное серебро отблескивало в их горящих безысходностью и страстью глазах.

– Ради чего тебе жить, если ты такая уродливая? Красота непобедима, но определение ей только одно – это я. Ешь! Глотай! Слушайся свою императрицу, или умри глупее, чем все твои предшественники!

Нехотя, уже с подкатывающимся к горлу комом, она начала со склизкой тошнотной жижицы, подергиваясь изнутри. У Кэстли под ногтями скрипела скатерть. У девушки косило губы от холодного жесткого мяса, но они были раем, в сравнение с хрящами, которые приходилось глотать не раз и не два.

Когда от крыльев осталась горстка костей, глаза Кэстли не внушали ни доверия, ни проблеска человечности.

– Теперь проглоти их. Не жуя, – уточнила она обжигающим голосом.

Только тогда Каспер отвернулся, и это привлекло внимание императрицы. В метре от него давилась своей переигранной гордостью и помешанным рассудком ошибка целой империи. Кэстли села.

– Я объективна?

– Абсолютно, – ответил он.

– Хм? Почему ты так считаешь?

– Я в империи недавно, – как сказал Заноза, – но мне хватило времени понять ваши нравы и стандарты красоты. Ее казнь вполне обоснована.

– Ты думаешь, это казнь?

– После такого она вряд ли выживет.

– Понятно. А ты как считаешь, Заноза?

Заноза ничего уже не думал. Образ блюющей пылающей дивы смешался в его голове с другими, и уже ни Кэстли, ни Каспер, ни сам Заноза не имели четкости. Их не было. Они смешались.

– Ну понятно, он тоже уже готовый.

– А что это?

– Яд, – обыкновенно пожала плечами она, – не вино же.

Обыкновенный яд.

И ведь все понимала. Но почему она, императрица, допус-

кала такие попустительства в своей империи? Ей было это выгодно?

– К этому причастны и золотильщики, и виноделы, но мы назвали это «естественным отбором», чтобы в глаза не бросалось. А там, откуда ты родом, как действует отбор?

– Дикой природой.

– Это жестоко!

– Зато работает.

– В истории империи тоже есть странные решения, но, я надеюсь, ты с ними не столкнешься. Я буду звать тебя Волк.

– Почему?

– Я не знаю. Взгляд у тебя волчий.

– В смысле?

– Ну... такой, далекий, знаешь, сокрытый, но манящий.

На этом все, я иду проветриться.

Все, кто стоял на ногах, поклонились и Кэсли вышла с вздернутым носом.

– Куда она? – шепотом спросил Каспер, но Заноза ему уже не ответил. Никто на него и не взглянул, и он двинулся за Кэсли.

Промерзлые переходы между башнями с разбитыми большими окнами, абсолютно темные, продувались насквозь. Темнело. Небо было грязно-розовым, совершенно некрасивым и запятнанным гнилой кровью.

– Приближенный императрицы – самая престижная игрушка в моих руках. Ими не становятся, а рождаются. Это

обычно очень умные люди, угодники, но чистые и сильные, каждым из них движет любовь и справедливость. Заноза оставил обучение в академии, чтобы его сестры могли быть моими пекарями, всегда были в тепле и, когда это нужно, подворовывали для него хлеб. Только вот беда... хлеб-то никому не нужен. Ни мне, ни народу. Спрашивается, почему люди отказались от хлеба, поставляемого им императрицей? Потому что им хотелось мяса на тот момент, когда мы пожали последний урожай на поле к востоку. На следующий день они устроили бунт и разошлись настолько, что спалили целое поле, и на нем никогда не взойдут колосья. Зачем? – Каспер пожал плечами.

– А Вашему Величеству зачем нужно было так делать?

– Меня взяли на слабо, – просто ответила она, парень даже посмотрел на нее, убедиться, всерьез ли она. – Надо же иногда давать людям почву думать, что счастье где-то рядом, а они его не видят. Прошло полгода, теперь они локти кусают.

– Так это тирания называется.

– А тирания – стиль правления.

– Впервые слышу о стиле правления, – фыркнул Каспер.

– Могу рассказать. Предыдущий император был лицемером, он поощрял взяточничество, либерализм, всегда был на стороне судей и чиновничества. Никто не сказал вам, но при его правлении был особый слой людей – отбросы – не относящийся ни к дворянам, ни к почетным военным служащим, просто обычные люди, живущие на честно заработан-

ные деньги умом и руками. Городские их не любили и прогоняли, а отец считал их низшим слоем общества. Теперь низший слой общества – все общество. Новый строй государства, правильный, всех сровнял, нет ни правых, ни виноватых, – она вздохнула, – как нет больше и землевладельцев, и животноводов, вообще никого. Зато люди теперь знают, на ком держались их сытость и тепло. Может показаться, что система моего правления держится на намеренном совершение ошибок и в конечном итоге доведения населения до осознания этих ошибок, но это лишь вторичность основного моего умысла. Грядет революция, и не изгнанников, а тех, кто *выжил* в худшие времена империи. Только переосознавшие трудность жизни люди, начавшие жить и развиваться заново смогут поднять империю с колен.

– Начало не было заложено.

– Терпение, дай им время. Этой зимой они потеряют треть населения, если не больше, пойдут к императрице, знаешь, за чем? За моей жизнью, но им меня не убить. Если и убьют – империи конец, пока я жива, у них есть шансы. Вот тогда и настанет глобальная революция. Мне придется многого лишиться, но это и все остальное покажет людям, что есть другая жизнь, не пользование другими, не вечный голод и мерзлота, а система государства, когда все в прок и все возвращается. Люди должны начать жить осознанно. Чтобы прекратить все, что заварил мой отец и наконец-то внушить людям осознанное существование – их нужно встряхнуть как сле-

дует. Выживут – будут спасены, не выживут – тоже хорошо.

Кэстли молчала какое-то время, сама о чем-то думая, потом сказала:

– Некоторые считают, что лучшим исходом было бы убить меня и прекратить существование империи, но уход от проблемы – не есть ее решение.

Ее тон, очертание лица под светом поднимающейся луны и освещением сада, серьезное лицо. Каспер все понял. Они допустили ошибку, она уже давно все знала.

– Я не бессмертная, но и вы не гении, – она перевела на него взгляд, – вы умны, интеллектуальны, сообразительны. Я не буду убивать вас сразу, я покажу своему народу ту другую жизнь, когда люди проявили характер и приспособились.

Возвращаясь к теме о добре и зле, банда убийц оказывается в выигрышном положении: они, как отрицательные герои для Кэстли, становятся спасителями ее цивилизации, то есть, *хорошими*, хоть они и убийцы, собиравшиеся истребить ее народ. А она – не абсолютное зло, потому что умрут они в конечном счете героями.

– Но все же убью. Все должны знать, что сильное государство – это дисциплина и порядок, а не та анархия, к которой все пришло.

– Ты или сумасшедшая, или очень умная.

– Без разницы.

– Но зачем было доводить все до этого?

– Все за тем же, чтобы знали.

– Ясно и понятно.

– Проблема лишь в одном – захотят ли твои идти на-
встречу?

Каспер пожал плечами.

– Зная их цели...

– Я тоже знаю их цели, и я знаю, зачем они послали самого
умного мальчика играть со мной в шахматы.

– Но откуда?

– Разведка, разумеется. За вами давно следят. Еще я знаю,
что ты не знаешь, что тебе делать, – она повернулась к нему
и встала против звездной россыпи на небе, – плана у вас нет,
это стало заметно еще в толпе, но у меня план готов всегда.

– Потому что он безумен.

– То, что для вас – безумие, для потомков – гениальность.
Да и зачем меня обвинять в том, что пороком не является.

– И правда, – подумал Каспер, – и что ты будешь делать?

– Завтра мы обезоруженные придем к убийцам, и ты все
им объяснишь.

– А почему я?

– Ну, ты же меня слушал все это время?

– Да.

– Вот и все.

– А если не согласятся?

– Тогда будь что будет.

5

Утро наступило слишком рано и неожиданно, Каспер со страхом ждал рассвета. Он не знал, как отреагируют ребята: что они скажут? А если окажутся против? Что тогда скажет Кэстли?

– Ну что, – он нашел ее в больном зале, на полу, разглядывающую огромную фреску на потолке, – что ты решил?

Казалось, она лежала там очень давно, чуть ли не с ночи, Каспер поднялся очень рано, прислуга еще только начинала готовить замок к утру.

– Все то же, что и вчера.

– А запасной план? Мне ничего в голову за всю ночь не пришло.

– Не проще взять с собой охрану?

– Это неправильный жест.

– Правильный, неправильный, если нас убьют, империи реально придет конец.

– А их так сложно убедить?

Каспер помолчал.

– Они шли к этому всю жизнь. Твои идеалистические идеи им не близки.

– А что им близко? – Кэстли подняла голову. – Моя смерть?

– Мечь.

– То есть, моя смерть.

– Ну... да.

– Ясно, – она встала на ноги, – не предлагаешь ли ты, друг мой, их всех переубивать? Подумай: к тебе после такого предательства будет гораздо больший смотр, чем к кому-либо при дворе, спать ты будешь от силы два часа, да и попытаться стоит хоть немного.

– В то же время, согласившись с тобой, это постановка под угрозу королевской жизни.

– Не стоит так за меня беспокоиться, я всего лишь императрица. Все еще не согласен со мной?

– Согласен.

Она чуть очень мило не довела его до казни, Каспер почувствовал, что она выходит из берегов, и быстро взял ситуацию в свои руки.

– Так бы сразу! – она быстро двинулась к выходу, а уже в дверях встала и сказала, – дневной свет плохо на меня действует, я совершенно теряю рассудок.

Едва выйдя, она отдала приказ собрать двоих коней и дать легкую защиту.

С Кэстли согласились не все, остальным угрожали виселицей. Каспер предложил умнейший исход дела: или они соглашаются с идеей императрицы, и живут на благо государства, или навсегда уходят из империи и никогда больше не вспоминают о ней, по крайней мере, скрыто. Остальные из убийц вовремя поняли, что проиграли, и сопротивляться не стали.

В империи много необъяснимых вещей, что двигало ими в тот момент, когда они приклонились перед императрицей, о чем будут жалеть всю оставшуюся жизнь? Слабость? Усталость? А может, то же, что и всегда – дикарская беспечность? Чего бы там ни было, образование, политический и стратегический склад ума преобладал над опытом жизни, по крайней мере, на тот период. Никто не знает, что будет держать мир через года, века, а те, кто об этом узнает, очень скоро пожалеет, потому что чаши весов добра и зла должны находиться наравне друг с другом. А добро и зло равносильно: чье-то зло для кого-то добро и наоборот, в добре есть всегда часть зла и то же самое со злом, плохое – тень, отброшенная от хорошего, но без тени света все равно что нет, а зло порождает добро... Поэтому сколько бы зла, отврати, ужаса не творилось в мире и среди людей – есть всегда обратная сторона, она разбросана по всем уголкам света, заложена в каждую долю человеческой души, и в любом правдивом зле есть добро, без него никак. Поэтому мир периодичен и все еще держит равновесие. Не узнать, какое великое деяние все перевернет, по крайней мере, человек еще не настолько эволюционировал, чтобы рушить баланс между добром и злом.